

СМЫСЛООРГАНИЗУЮЩАЯ РОЛЬ МОРФЕМ В ПОЭЗИИ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

Явление коннотации – значимая и перспективная область лингвистического исследования: здесь решаются стилистические и психологические проблемы, связанные с нормами грамотного словоупотребления и текстообразования, а также вопросы многозначности слова и их реализации в коммуникативных актах. В результате более точного и дифференцированного подхода к проблеме коннотации появляется возможность четче выявить ее специфику как в языке, так и в речи, а также проследить, каким образом коннотативное значение различных единиц языка участвует в создании подтекстовой информации. В связи с этим представляется актуальным обращение к поэтическому творчеству Марины Цветаевой, одной из основных черт которого является семантический синкретизм языкового знака. Несмотря на обилие работ, посвященных вопросам коннотации в различных аспектах ее проявления, вопросы авторского расширения семантического объема слова, богатства его ассоциативных рядов, употребления лексем в нестандартных текстовых ситуациях требуют особого внимания и изучения. Творчество талантливого, глубоко национального поэта представляет богатый материал для рассмотрения коннотативных значений языковых структур, участвующих в смысловой организации художественного текста.

Целью данной статьи является исследование коннотативных возможностей словообразовательного уровня, где в качестве возможной доминанты поэтического текста Марины Цветаевой выступает морфема. При описании коннотативно-морфемного состава языка поэзии Марины Цветаевой в основу положена классификация, согласно которой морфемы делятся на общезыковые (узуальные) и индивидуально-авторские (оказиональные). Морфема может являться базой текстообразования, выполняя стилеорганизующую функцию. Коннотатирующая морфема как структурно-речевая единица не во всех случаях совпадает с актуальной морфемой как структурной единицей языка. Говорящий, оперируя словами в речи, отталкивается от коннотации слова, а не от его словообразовательных потенций. Для него важно то, что морфемы существуют как актуальные коннотатирующие морфемы, содержание которых сформировано их парадигматическими связями в данной группе лексики. По образному выражению В. Д. Девкина, экспрессивы обычно «долгое время находятся в своеобразном заказе без применения и лишь изредка извлекаются из-под спуда и пускаются в ход» [1, с.220]. Их преднамеренное употребление как средства выражения экспрессивности уже заранее испытанными приемами вызывают сильный эмоциональный эффект. В процессе анализа поэтических текстов можно выделить коннотатирующие аффиксы, которые наиболее активно участвуют в создании смысловой структуры текста, выступая в

качестве структурной доминанты поэтического текста и отражая двойное отношение человека к миру – рациональное и эмоциональное.

В ряду морфем, несущих эстетические функции в цветаевской поэтике, особенно значима роль префиксов. Во многих случаях приставка перестает быть только элементом слова и как бы получает автономию. В результате функционально-синтаксическое значение приставки становится наиболее важным, наиболее весомым семантическим центром, например: *Четыре провинции обескровлено / И обезнадежено сто веков / Четыре Аравии обеззано / И обезжемчужено пять морей / Престонаследников обездомленных / Чужеземкою обезмуженный край!* («Взгляд»). Префикс *обес-* / *обез-* можно считать усилительным, оказывающим воздействие и на значение корневой морфемы и на созначение. По аналогии со словом *обескровлено* в значении ‘уничтожено’ автор создает окказионализмы, которые в синтагматических условиях приобретают высшую степень проявления признака: не просто уничтожено, а уничтожено масштабно. Кроме того, употребление приставок в пассивных конструкциях создает впечатление вселенской трагедии.

Такое же значение имеет префикс и в «Стихах о Москве»: *Настанет день – печальный, говорят! / Отцарствуют, оплачут, отгорят* («Стихи о Москве»). Глагол *настанет* получает смысловое коннотативное усиление за счет нанизывания глаголов с префиксом *от-*. Объединенные синонимическим рядом, глаголы *отцарствуют, оплачут, отгорят* воспринимаются как скандирование основного значения, вводя в психологическое состояние небытия, связанного с ощущениями смерти как результата длительного действия. Будущее совершенное, заключенное в префиксе, становится символическим выражением трагического конца.

Излюбленная цветаевская приставка *раз-* со значением ‘разъединения, уничтожения результатов действия’ появляется там, где развивается одна из основных тем ее лирики – тема разлуки. Своеобразная переключка одноструктурных слов в стихотворениях Марины Цветаевой имеет большое смысловое и эмоциональное назначение. Так рождаются следующие строки, в которых выражены и боль одиночества, и ни с чем не сравнимое горе разлуки с родиной, с близкими людьми: *Сверхбессмысленнейшее слово: / Рас-стаемся. – Одна из ста? // Просто слово в четыре слога, / За которыми пустота / Стой! По-сербски и по-кroatски, / Верно, Чехия в нас чудит? // Рас-ставание. Расставаться... / Сверхъестественнейшая дичь!... Расставаться – ведь это врозь. // Мы же сросшиеся...* («Поэма конца»). В одном только слове *расставаться* поэт видит бездну несправедливости и горя, страшную боль утраты. Чтобы восстановить содержательную сущность этого слова, подчеркнуть ее, выразить и донести до читателя, Марина Цветаева обращается к графическому приему: приставка намеренно отрывается от слова (*рас-стаемся, рас-ставание*), тем самым как бы демонстрируя авторское неприятие той части, которая несет значение ‘утраты, разъединения’ (в данных словах приставка *рас-* имеет коннотативное значение ‘деление на части, разъединение, движение в разные

стороны’).

Глубина поэтической характеристики достигается и тем, что внимание читателя фиксируется на структурно-семантической общности слов, заставляющей искать в них особый смысл. Например, в стихотворении «Так вслушиваются...» легко вычленяется семантически многомерный ряд новообразований: *Так вслушиваются (в исток / **В**слушивается – устье). // Так **в**нюхиваются в цветок: / **В**глубь – до потери чувства! / Там в воздухе, который синь, – Жажда, которой дна нет. // Так дети, в синеве простынь, / **В**сматриваются в память/ Так **в**чувствывается в кровь / Отрок – досели лотос. // ...Так **в**любливаются в любовь: / **В**падываются в пропасть. В ряду узуальных образований встречаются и окказиональные, которым характерны коннотации разговорной эмоциональности (*влюбливаются, впадываются...*). Одноструктурные слова позволяют автору глубже выразить идею, свою жизненную установку, своеобразное жизненное кредо. Понять и прочувствовать это помогает наличие словообразовательной общности ключевых слов. Семантически разнохарактерные образования (*вслушиваться, внюхиваться, всматриваться, вчувствываться, влюбливаться, впадываться*) имеют общее значение: передают интенсивное действие, направленное в самую глубину явления и совершаемое ради того, чтобы лучше понять, постичь само явление. Эмоциональность как компонент коннотации возникает благодаря повторяющемуся употреблению коннотемы **в-**, позволяющей выразить страсть Марины Цветаевой к познанию окружающего мира, желание жить максимально насыщенной и внутренне значимой жизнью, полностью отдаваясь стихии нахлынувших чувств.*

В поэме «Крысолов», названной «лирической сатирой», приставка **пере-** (со значением чрезмерности) создает целый ряд окказиональных образований. Марина Цветаева использовала западноевропейскую средневековую легенду о том, как в 1284 году бродячий музыкант избавил немецкий город Гаммельн от нашествия крыс, толстосумы которого не способны были ни к какому активному действию. Приставка **пере-**, имеющая значение ‘перенасыщенность действия’, приобретает в результате синтагматического повтора коннотативное значение глупой чрезмерности, пресыщенности, пустого времяпрепровождения и становится средством создания иронии и даже сарказма: *Мера! Священный клич! / **Пересмеялся** – хныч! / **Перегордился** – в грязь!.. / ...**Пересвечил** – хлеб, / **Перемонаришил** – бунт...**Переобедал**, **перескреб**, **перепостился**, **перезлословил**, **переглядь**...и др.* Данное значение, особенно ярко выраженное окказиональным тавтологическим сочетанием *пере-через-край*, превращается в символ того, что жители города Гаммельн не принимают, отрицают. Значение ‘отрицания излишества, чрезмерности’ подчеркивается и повтором немецкой фразы: *излишество вредит*. Отсутствие меры несовместимо с миром псевдопорядочных, умеренных, сытых буржуа, с миром слишком материальным, телесным: *В городе Гаммельне – ни души, но уж тела за это!* Автор поэмы подчеркивает абсурдность, низменные интересы, духовную пустоту жизни обывателей: *Даже сходи с ума. В меру. / ...Не пере-через-*

край! / *Даже и в мере знай Мери.* Созданию иронии в стихотворении помогает лексическое наполнение. Автор намеренно вовлекает в содержательную структуру стихотворения слова, имеющие значение праздного времяпрепровождения, подчеркивая тем самым уровень «обывательщины», бессмысленности. Давая советы жителям города, поэт использует каламбур: *Даже сходи с ума в меру; Даже и в мере знай меру* – тем самым, пародируя духовные особенности гаммельцев.

Своеобразная переключка одноструктурных слов в стихотворении имеет большую смысловую и эмоциональную значимость. Приставка усиливает степень коннотативного признака, поскольку участвует в образовании превосходной степени качества. Но Цветаева нарушает грамматические правила, используя одновременно приставку и суффикс превосходной степени. Этот аграмматизм и становится коннотативным признаком бессмысленности определенного действия, состояния лирического героя. Поэт мучительно ищет истоки этой смысловой близости. Так рождаются следующие строки, содержащие невыразимую боль разлуки: *Сверхбессмысленнейшее слово: / Рас-стаемся. – Одна из ста? / Просто слово в четыре слога, / За которыми пусто па... // Стой! По-сербски и по-кroatски, / Верно, Чехия в нас гудит? / Рас-ставание. Расставаться... / Сверхъестественнейшая дичь!* («Поэма конца»). Часто одноприставочные слова образуют ряды, для которых общее значение префикса весомее, чем значение основы. Повторение приставки не только приводит к усилению его семантической роли, но и создает коннотативный эффект неожиданности: *. Смерть – это так: / Недостроенный дом, / Недовзращенный сын, / Недовязанный снап, / Недодуманный вздох, Недокрикнуемый крик* («Смерть – это нет»).

Особое место занимают морфемы, способные выразить трепетно-трогательное отношение к природе. Ярким примером использования форм превосходной степени в лирике Марины Цветаевой является стихотворение «На заре», отражающее двойственную природу человека, которому присущи две ипостаси – с одной стороны, плоть и поверхностный контакт с окружающим миром, с другой – душа человека и его мировосприятие: *На заре – **наимеленнейшая** кровь, / На заре – **найявственнейшая** тишь. // Дух от плоти косной берет развод / Птица клетке костной дает развод / Око зрит – невидимейшую даль, / Ухо пьет – неслыханнейшую молвь.* Автор восхищен, ощущения зависят не от плоти, а от внутреннего состояния души. Переход на глубинный уровень требует отказа и отчуждения от уровня внешнего, плотского и обыденного. Первая часть стихотворения и посвящена этому процессу. *Наймеленнейшая* кровь и *найявственнейшая* тишь символизируют процесс «усыпления» плоти, внешних органов чувств. Душа и плоть находятся в противоречии: «Дух плоти косной берет развод», происходит высвобождение духа: *Око зрит – невидимейшую даль, / Сердце зрит – невидимейшую связь... / Ухо пьет – неслыханнейшую молвь...* Использование форм превосходной степени позволяет автору подчеркнуть особенность описываемого явления: это состояние реализации глубинных

потенциальных предельных возможностей человека, а может быть – и запредельных. Этой же цели служит и употребление оксюморона: *око зрит...невидимейшую, ухо пьет неслыханнейшую*. Таким образом, экспрессивный компонент коннотации в поэзии Марины Цветаевой проявляется на глубинном уровне ее поэтического мироощущения, поэт говорит о красоте окружающего мира, которую человек не всегда замечает.

Там, где экспрессивность стихотворной речи связана с активизацией префикса, по-иному воспринимается семантическая структура слова. Лексико-грамматическое значение приставки в семантических новообразованиях начинает преобладать над значением всей основы в целом, создавая ряд эмоционально-экспрессивных коннотативных значений. Все это можно проследить и на примере суффиксов, которые также имеют коннотативную направленность.

Продуктивными являются словообразовательные типы существительных с коннотирующим суффиксом *-ость-* с отвлеченным значением признака, свойства. Коннотат активно образует окказиональные существительные (*бритость, питость, побитость, глухонемость, тихость, ангельскость, сухостями, слепостями, тусклостями* и др.), которые ярче раскрывают дополнительные значения только в сочетаниях: *А еще, несмотря на бритость, / Сытость, питость (моргну – и трачу!), / За какую-то – вдруг – побитость, За какой-то их взяли собачий...* («Хвала богатым»); *Два близнеца – неразрывно-слитых: / Голод голодных – и сытость сытых!* («Если душа родилась крылатой») и др. Синтаксическая деривация обуславливает не только новое синтаксическое значение, но в условиях неожиданных присоединений (*сухостями теку* и др.) возникает глубокий подтекст: *Сухостями теку / Тусклостями: уцербленных жил / Скупостями, молодых сивилл / Слепостями, головных истом / Седостями: свинцом* («Земные приметы»). Коннотативной выступает и форма множественного числа, способствующая приращению дополнительных смыслов – перенасыщенность жизненных неудач, которых так много в жизни лирической героини. Поэт стремится придать весомость и самостоятельность концептуально и эстетически значимым признакам или свойствам описываемых явлений.

В стихотворении «Читатели газет» многократно используется суффикс *-тель-* (со значением действующего лица), который усиливает коннотативную выразительность слова. В ряду этих повторений есть и окказиональные образования (*хвататели, жеватели, чесатели*), которые в общей композиции стихотворения воспринимаются благодаря суффиксу как разговорные, более того – как ироничные. Автор издевается над людьми, которые за внешним благополучием газетной информации не видят, или не хотят видеть сильнейшую идеологическую ложь: *...О, с чем на Страшный суд / Предстанете: на свет! // Хвататели минут, / Читатели газет! // ...Стою перед лицом / – Пустее места – нет! – / Так значит **нелицом** / Редактором газет- / ной нечисти*. Кроме того, смыслообразующим элементом выступает и графическое средство – перенос слова, усиливающий

значение обращения.

Суффикс *-аст-* характеризуется коннотацией восторга: он усиливает и денотат, и отношение говорящего к денотату. Подобные слова по своему характеру приближаются к разряду оценочной лексики: *Монистами сбруями... / (Гривастых теней / Монистами! Сбруями / Пропавших коней...)* («Ручьи»); – «Европа, глядишь? / Так льды у нас колются!» / *Щекастый малыш, / Спеленатый – полюсом!* («Челюскинцы»). Автор восхищается их подвигом, в этом стихотворении нет сарказма.

Для поэзии Марины Цветаевой характерны и уменьшительные суффиксы *-ик-*, *-ок-*, которые приобретают оттенки горечи, и даже жизненной трагедии: *...В какой обратился треклятый ад, / Мой глупый грешок грошовый!* («О нет, не узнает никто из вас...»); игривости: *И уж любит он, сухарик, / Чтобы светло, как на Пасху: / Нынче месяц нам фонарик, / Завтра звезды нам лампадка* («Нет, с тобой, дружочек чудный...»); бедности, нищеты: *Да и в полдень нехорош – пригород: / Тарахтят по мостовой – дрожки, / просит нищий грошик, / Да ребята гоняют кошку...* («На крыльцо выхожу – слушаю»).

Поэтической речи Марины Цветаевой присущи экспрессивные суффиксы, связанные с глубинными индивидуальными особенностями ее поэтики. Так, например, в стихотворении «Чтобы помнили не часочек, не годок» используется характерная для поэтического идиостиля Цветаевой фигура контраста – антитеза, представленная на словообразовательном уровне: *...Чтобы чудился в жару и в поту / От меня ему вершочек – с версту, / Чтоб ко мне ему все версты – с вершок – / Есть на свете золотой гребешок.* Намеренное уменьшение времени (*часочек*) и пространства (*вершочек*) подчеркивает «увеличенность», даже безмерность того и другого для лирической героини (*вершочек – с версту*). Происходит столкновение предельно малого (*вершочек*) и предельно большого (*версты*). В результате подчеркивается, что реальное пространство, расстояние, разделяющее лирическую героиню и ее возлюбленного, не имеет значения, поскольку чувства их сильны: пространственные параметры то сужаются, то намеренно увеличиваются (*версты – с вершок, вершочек – с версту*).

Словообразование в русском языке является ярким источником речевой экспрессии благодаря богатству и разнообразию оценочных аффиксов. Наиболее сильной экспрессией обладают суффиксы субъективной оценки существительных: *А как бабушку / Понесли, понесли, – / Все-то голуби Полегли, полегли: / Книзу – крылышком, / Кверху – лапчочкой... // Помолитесь, внучки юные, за бабушку!* («А как бабушке»). Суффиксы *-ышк-*, *-очк-*, *-к-* усиливают коннотацию скорбной, горестной атмосферы текста. Часто экспрессивное словообразование выступает средством создания практической, сатирической окраски текста: *Как полосынька твоя / Нынче выжнется? / Чернокосынька моя, / Чернокнижница! // Дни полночные твои, / Век твой таборный... // Все работнички твои / Разом забраны. // Где сподручнички твои, / Те сподвижнички? // Белорученька моя? Чернокнижница!* («Ахматовой»). В словообразовательном плане можно

обнаружить нарастание коннотативной экспрессии: узуальные слова *отрез*, *часть*, *рябь* в их словарных значениях превращаются в окказионализмы с коннотативным значением отвлеченности: *Занавес – мой – занавес!* / *Мурземецкий мой отрез!* / *Часть – рябь – слепь – резь!* / *Мне лица не зановесь!* (поэма «Переулочки»).

Таким образом, рассматривая вопрос о коннотативной функции морфем в поэзии Марины Цветаевой, можно с полным правом утверждать, что словообразовательная выразительность – это один из элементов словообразования в идиостиле поэта. Анализ поэтических текстов Марины Цветаевой раскрывает многомерность семантических ассоциаций коннотатирующей морфемы, содержательная структура которой состоит из эмотивно-оценочного, экспрессивного и стилистического компонентов.

1. Девкин, В. Д. Немецкая разговорная речь: синтаксис и лексика / В. Д. Девкин. – М.: Междунар. отношения, 1979. – 254 с.

2. Цветаева, М. И. Избранные произведения / М. И. Цветаева. – М.; Л.: Совет. писатель, 1965. – 812 с.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ